

Анна Ахматова

«О, не вздыхайте обо мне...»

Сборники стихов разных лет

Вечер

Четки

Белая стая

Подорожник

Anno domini

Тростник

Нечет

Бег времени

Он любил...
Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых
павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.
1910

Белой ночью

**Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как, усталая,
Я не решалась лечь.**

**Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.**

**И знать, что все потеряно,
Что жизнь - проклятый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад.
1911**

**Муж хлестал меня узорчатым,
Вдвое сложенным ремнем.
Для тебя в окошке створчатом
Я всю ночь сижу с огнем.**

**Рассветает и над кузницей
Подымается дымок.
Ах, со мной, печальной
узнице,
Ты опять побыть не мог.**

**Для тебя я долю хмурю,
Долю-муку приняла.
Или любишь белокурую,
Или рыжая мила?**

**Как мне скрыть вас, стоны
звонкие!
В сердце темный, душный
хмель,
А лучи ложатся тонкие
На несмятую постель.
1911**

**Я и плакала и каялась,
Хоть бы с неба грянул гром!
Сердце темное измаялось
В нежилом доме твоём.
Боль я знаю нестерпимую,
Стыд обратного пути...
Страшно, страшно к
нелюбимому,
Страшно к тихому войти.
А склонюсь к нему нарядная,
Ожерельями звеня,
Только спросит:
"Ненаглядная!
Где молилась за меня?"
1911**

Смятение

· 1

Было душно от жгучего света,
А взгляды его - как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился - он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

2

Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся,
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся -
И загадочных древних ликов
На меня поглядели очи...
Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слов
И сказала его - напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

1913

**Все мы бражники здесь,
блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.**

**Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.**

**Навсегда забиты окошки:
Что там, изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.**

**О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.**

1 января 1913

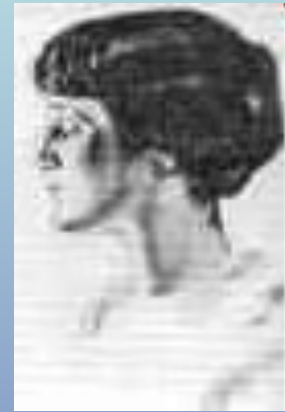

- В последний раз мы встретились тогда
- На набережной, где всегда встречались.
- Была в Неве высокая вода,
- И наводнения в городе боялись.

- Он говорил о лете и о том,
- Что быть поэтом женщине - нелепость.
- Как я запомнила высокий царский дом
- И Петропавловскую крепость! -

- Затем что воздух был совсем не наш,
- А как подарок божий - так чудесен.
- И в этот час была мне отдана
- Последняя из всех безумных песен.
- 1914

- Настоящую нежность не спутаешь
- Ни с чем, и она тиха.
- Ты напрасно бережно кутаешь
- Мне плечи и грудь в меха.
- И напрасно слова покорные
- Говоришь о первой любви.
- Как я знаю эти упорные
- Несытые взгляды твои!

- 1913

- Проводила друга до передней.
- Постояла в золотой пыли.
- С колоколенки соседней
- Звуки важные текли.
- Брошена! Придуманное слово -
- Разве я цветок или письмо?
- А глаза глядят уже сурово
- В потемневшее трюмо.

- 1913

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.
1912

Ты письмо мое, милый, не комкай.
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути.

Не гляди так, не хмурься гневно.
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королевна
И уже не монашенка я -

В этом сером, будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.

Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи,
Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.

1912

**А! это снова ты. Не отроком
влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым,
непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.
Страшна моей душе предгрозовая тишь.
Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,
Врученным мне навек любовью и
судьбою.
Я предала тебя. И это повторять -
О, если бы ты мог когда-нибудь устать!
Так мертвый говорит, убийцы сон
тревожа,
Так ангел смерти ждет у рокового ложа.
Прости меня теперь. Учил прощать
Господь.
В недуге горестном моя томится плоть,
А вольный дух уже почиет безмятежно.
Я помню только сад, сквозной, осенний,
нежный,
И крики журавлей, и черные поля...
О, как была с тобой мне сладостна
земля!**

1916

**Есть в близости людей заветная
черта,
Ее не перейти влюбленности и
страсти, -
Пусть в жуткой тишине сливаются
уста,
И сердце рвется от любви на части.**

**И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме
сладострастья.**

**Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие - поражены тоскою...**

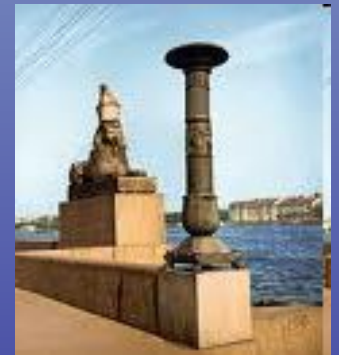
1915

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.
И воистину ты - столица
Для безумных и светлых нас;
Но когда над Невою длится
Тот особенный, чистый час
И проносится ветер майский
Мимо всех надводных колонн,
Ты - как грешник, видящей райский
Перед смертью сладчайший сон..

1916

Царскосельская статуя Н.В.Н.

Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины,

И ослепительно стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной.
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

1916

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской Церкви отлетал,

Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяненная блудница,
Не знала, кто берет ее,

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: "Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид".

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Осень 1917

Петроград, 1919

**И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озера, степи, город
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя
А не крылатую свободу
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.**

**Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.
1920**

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

1922

Многим

**Я – голос ваш, жар вашего дыханья,
Я – отраженье вашего лица.
Напрасных крыл напрасны трепетанья, –
Ведь все равно я с вами до конца.**

**Вот отчего вы любите так жадно
Меня в грехе и в немощи моей,
Вот отчего вы дали неоглядно
Мне лучшего из ваших сыновей,
Вот отчего вы даже не спросили
Меня ни слова никогда о нем
И чадными хвалами задымили
Мой навсегда опустошенный дом.
И говорят – нельзя теснее слиться,
Нельзя непоправимее любить...**

**Как хочет тень от тела отделиться,
Как хочет плоть с душою разлучиться,
Так я хочу теперь – забытой быть.**

. Последний тост

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью,—
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.

27 июня 1934

Шереметьевский Дом

Ленинград в марте 1941 года
Cardran solaire
на Меншиковом доме.

Подняв волну, проходит
пароход.
О, есть ли что на свете мне
знакомей,
Чем спицей блеск и отблеск
этих вод!
Как щелочка, чернеет переулок.
Садятся воробьи на провода.
У наизусть затверженных
прогулок
Соленый привкус – тоже не
беда.
1941

Приморский сонет

Здесь все меня переживает,
Все, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...

Там средь стволов еще светлее,
И всех походе на аллею
У царскосельского пруда.

1958 Комарово

Летний сад

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между
царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится
скрип

И лебедь, как прежде, плывет
сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной
любви.

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно
скрыт.

1959

Памяти М.А. Булгакова

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес

И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.

И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.

И кто подумать смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех потерявшей, все забывшей,

Придется вспоминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Все кажется, вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь предсмертной боли.

1940. Фонтанный Дом

И комната, в которой я болею,
В последний раз болею на
земле,
Как будто упирается в аллею
Высоких белоствольных
тополей,
А этот первый — этот самый
главный,
В величии своем
самодержавный,
Но как заплещет, возликует
он,
Когда, минуя тусклое оконце,
Моя душа взлетит, чтоб
встретить солнце,
И смертный уничтожит сон

**О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна,
Я здесь, на сером полотне,
Возникла странно и неясно.**

**Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка исступленья,
Я не могла бы стать иной
Пред горьким часом наслажденья.**

**Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел,
И щеки стали снеговыми.**

**И нет греха в его вине,
Ушел, глядит в глаза другие,
Но ничего не снится мне
В моей предсмертной летаргии.**

